

Между семьей и призванием: дети в семьях первого поколения советских женщин-ученых

О. А. Валькова

В статье исследуются бытовые и финансовые условия семейной жизни, связанные преимущественно с воспитанием детей первого поколения советских женщин – профессиональных ученых, работавших в московских научных учреждениях Академии наук СССР в середине 1930-х гг. К 1936 г. прошло почти двадцать лет с момента введения юридического женского равноправия в России, с начала активного доступа женщин к высшему университетскому образованию и к научным профессиям, требующим от работника не только высокой квалификации, но больших временных затрат. Оба эти обстоятельства неизбежно должны были привести к конфликту между интересами профессиональными и семейными. Повседневные бытовые условия жизни и работы московских женщин-ученых отразились в заполненных ими в январе 1936 г. анкетах, проанализированных в настоящей статье и впервые вводимых в научный оборот. Материалы этих анкет свидетельствуют о плохом финансовом положении большинства исследованных женщин-ученых, их тяжелых жилищных условиях, о том, что содержание и воспитание детей становилось временами дополнительной тяжелой нагрузкой, затруднявшей научную работу женщин.

Ключевые слова: женщина-ученый, семья, ребенок, советское научное сообщество в 1930-е гг., история повседневности.

Для цитирования: Валькова О. А. Между семьей и призванием: дети в семьях первого поколения советских женщин-ученых // История повседневности. – 2025. – № 4. – С. 112–131. DOI: 10.35231/25422375_2025_4_112. EDN: IYQCMO

Введение

Рождение, выкармливание, выхаживание детей – биологический императив, который у вида *Homo sapiens* природа возложила на женщин. Веками образ жизни, профессиональная занятость представительниц женского пола выстраивались вокруг этого императива. Однако к середине XIX в. с развитием образования в высших слоях общества, а также с изменением экономических условий, женщины начали выходить за рамки этого очерченного для них узкого круга, постепенно осваивая все более разнообразные сферы деятельности, не связанные напрямую с рождением и воспитанием детей. Среди занятий, вызывавших их интерес и привлекавших внимание, очень рано оказалась научная деятельность. Уже вторая половина XIX в. выдвинула из числа наших соотечественниц целый ряд крупных женщин-ученых, чьи заслуги и достижения были признаны научным сообществом. Тем не менее в абсолютных цифрах в этот период их число было очень невелико и если у них и возникали проблемы, когда приходилось совмещать занятие наукой и семейные обязанности, они решали их сами, внутри своих семей. Но к 1910-м гг. XX в. количество женщин, занятых в науке, увеличилось и продолжало увеличиваться после принятия в стране в 1917–1918 гг. законов, официально уравнивших юридические права женщин и мужчин. Вопрос о том, каким образом молодые женщины могли совмещать получение высшего образования и построение профессиональной карьеры в очень требовательной и конкурентной среде с материнством, стал актуальным для многих. В отечественной историографии, однако, почти не существует научной литературы, исследующей данную проблему. Можно назвать статью Е. А. Долговой, касающуюся истории создания системы детских садов при научных институтах Академии наук СССР [1], работу О. А. Вальковой о детских программах Московского дома ученых середины 1930-х гг. [2]. Выявленная и введенная в научный оборот источниковая база по данной теме также в настоящее время достаточно скромна. Интерес представляют прежде всего немногочисленные источники личного происхождения, например воспоминания женщин-ученых, которые упоминают о рождении и воспитании своих детей. Но даже при наличии таких упоминаний они, как правило, достаточно лаконичны

[3, с. 70–75]. Нам удалось обнаружить комплекс делопроизводственных документов, содержащих информацию об условиях жизни детей в семьях московских женщин-ученых середины 1930-х гг., проблемах, с которыми сталкивались молодые женщины – научные сотрудники московских академических учреждений, пытавшиеся одновременно воспитывать детей и профессионально заниматься научными исследованиями, а также о том, какие меры требовались, по их мнению, для облегчения сложившейся ситуации. Все эти вопросы мы рассмотрим в настоящей статье на основании архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот.

Первый социологический опрос женщин-ученых

Летом 1918 г. В. И. Ленин в роли главы нового правительства подписал ряд декретов, окончательно уравнявших в нашей стране юридические права женщин и мужчин на получение высшего образования, профессиональную деятельность в высших учебных и научно-исследовательских учреждениях. Эти документы подвели итог полувековой борьбе российских женщин за право на образование и доступ в университеты их родины. Несмотря на целый ряд обстоятельств, не способствовавших немедленному притоку женщин в научные профессии (от хаоса революционных событий до дискриминации по признаку социального происхождения, введенного новым правительством), через двадцать лет после принятия этого решения, к середине 1930-х гг. в российской высшей школе и научных учреждениях работали уже тысячи женщин-ученых и преподавателей. Статистический сборник (1936) давал следующие цифры (без разделения на гуманитарные, естественно-научные, технические и медицинские специальности) (табл. 1, 2) [4, с. 97].

Но, отменив запретительные законы и позволив женщинам доступ к профессиям, не только требовавшим высшего образования, но и чрезвычайно больших временных затрат, а зачастую дальних и продолжительных поездок, таким, как профессия ученого, правительство особо не задумывалось о том, каким образом эти молодые в большинстве своем женщины станут совмещать подобную профессиональную занятость с семейными обязанностями, рождением, выхаживанием и воспитанием детей. Можно предположить, что сами молодые женщи-

ны об этом тоже не особенно задумывались, по крайней мере до определенного момента. Однако резкое по историческим меркам, произошедшее всего на протяжении примерно двух десятилетий изменение в гендерной структуре высококвалифицированной профессиональной занятости не могло не сказаться на повседневных практиках личной и семейной жизни как женщин, так и мужчин, причастных к этому.

Таблица 1

Женщины среди научных работников
научно-исследовательских учреждений

Годы	Всего научных работников, чел.	Женщин, чел.	Женщин, %
На 1.04.1929	22 600	5 153	22,8
На 1.01.1933	47 900	12 358	25,8
На 1.01.1935	38 200	11 116	29,1

Таблица 2

Женщины среди педагогического персонала вузов
по данным на апрель 1935 г. (в процентах от общего числа сотрудников)

Всего	Директора и их заместители	Профессора	Доценты	Ассистенты и преподаватели
15,0	3,1	2,9	11,3	22,3

Точной статистики, однако, не существует. Мы можем только предполагать, исходя из разрозненных эмпирических данных, что увеличился возраст вступления в брак девушек, стремившихся к получению высшего образования, что достаточно большое количество женщин-ученых первого поколения не создали семьи вообще, а создавшие либо откладывали рождение детей, либо остались бездетными; что, создав семью, женщины сталкивались с немалым количеством проблем и вынуждены были идти на компромиссы, от которых в итоге страдала как профессиональная деятельность, так и семейная жизнь. Но это только предположения. Однако недавно нам удалось обнаружить в Архиве РАН комплекс документов, который позволяет

ответить на вопрос о том, что собой представляла семейная жизнь представительниц первого поколения профессиональных женщин-ученых, в каких условиях они растили своих детей, опираясь на достаточно репрезентативные данные.

В начале января 1936 г. отдел кадров Академии наук СССР разослал по всем академическим учреждениям подробную анкету для заполнения женщинами-учеными: «Ввиду предполагаемого созыва 8-го марта 1936 г. Всесоюзного съезда женщин ученых¹ и разработки ряда мероприятий по линии содействия женщинам в их научной работе, ЦБ ВАРНИТСО² совместно с ЦК Союза ВШНУ³ проводит изучение условий и характера научной работы женщин в научных учреждениях СССР. Отдел кадров Академии наук СССР, интересуясь и поддерживая это мероприятие, просит Вас принять непосредственное участие в этой работе и направить просимые материалы по прилагаемой справке в адрес Академии наук СССР не позднее 20-го января 1936 г.» [5, л. 1]. Комплекс этих анкет, заполненных женщинами – научными сотрудниками московских учреждений АН СССР в январе 1936 г., всего 126 анкет, и отложился в Архиве РАН (рис. 1–5). Об истории возникновения самой идеи проведения фактически первого социологического опроса о положении женщин-ученых в СССР (хоть они его так и не называли) мы писали в предисловии к документальной публикации «Документальные материалы по истории организации и проведения конференции женщин-ученых в Москве в 1936 г.» [6], а также в еще в паре небольших работ [7; 8], здесь нет возможности останавливаться на этом подробнее.

Отметим только, что анкетирование касалось только женщин, уже имевших достаточно высокий статус в научной иерархии и право на самостоятельную научную работу: научных сотрудников 1-го разряда, ученых специалистов и старших ученых специалистов [5, л. 1]. Разработанная анкета была очень подробной. Научным сотрудникам после указания фамилии, имени и отчества (опрос не был анонимным) предлагали ответить на следующие вопросы: должность, специальность, ученая степень, возраст, общий стаж научной работы, партийность, получаемый оклад, была ли премирована, когда

¹ Этот съезд так никогда и не был созван.

² Центральное бюро Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР.

³ Центральный комитет Союза работников высшей школы и научных учреждений.

и за что, список важнейших научных работ, была ли в заграничной командировке, когда и где, каковы условия научной работы (условия труда, выявления творческой инициативы), краткая характеристика направления научной работы, причем особенно просили отметить творческий характер работы, в чем нуждается для научной работы [9, л. 1]. К нашему удивлению, в анкету, разработанную с целью изучения профессиональных и социальных обстоятельств жизни женщин-ученых для выработки мер по их улучшению, не был включен вопрос о семейном статусе женщины, а также о наличии или отсутствии у нее иждивенцев, в число которых могли входить не только дети, но и престарелые или недееспособные родственники. Тем не менее большинство отвечающих на вопросы женщин рассказывали о своих семейных обстоятельствах в пункте анкеты: «Материально-бытовые условия домашние» [9, л. 1], благодаря чему в нашем распоряжении оказались достаточно репрезентативные данные. Несмотря на то что ответить на вопрос о количестве замужних женщин и женщин, имевших детей, из числа опрошенных мы так и не можем, мы имеем возможность составить достаточно точное представление об условиях их повседневной семейной жизни: как о бытовой, так и финансовой ее составляющих.

Повседневная жизнь семьи советской женщины-ученого в 1936 г.

Самая большая проблема, с которой сталкивались московские женщины-ученые в начале 1936 г., заключалась, как правило, в очень плохих жилищных условиях. Некоторые женщины написали, что живут прямо на рабочих местах, но они не упоминали про семью, так что можно предположить, что речь шла об одиноких: «Живу в лаборатории в своей рабочей комнате, т. к. до сих пор не получила жилья» (А. Н. Федорова, 33 года, химик) [9, л. 40]; «...проживаю около года за шкафом в кабинете учреждения где, работаю» (Е. И. Беляева, 41 год, палеонтолог, кандидат наук) [9, л. 2]. Отсутствие хоть какого-то жилья приводило к тому, что семьи, уже имевшие детей, вынужденно жили раздельно друг от друга: «Семья из 3-х человек живет в 3-х местах; ребенок в детдоме, муж за городом, я в бараке в 4-х местной общей комнате» (Т. А. Видусова, 35 лет,

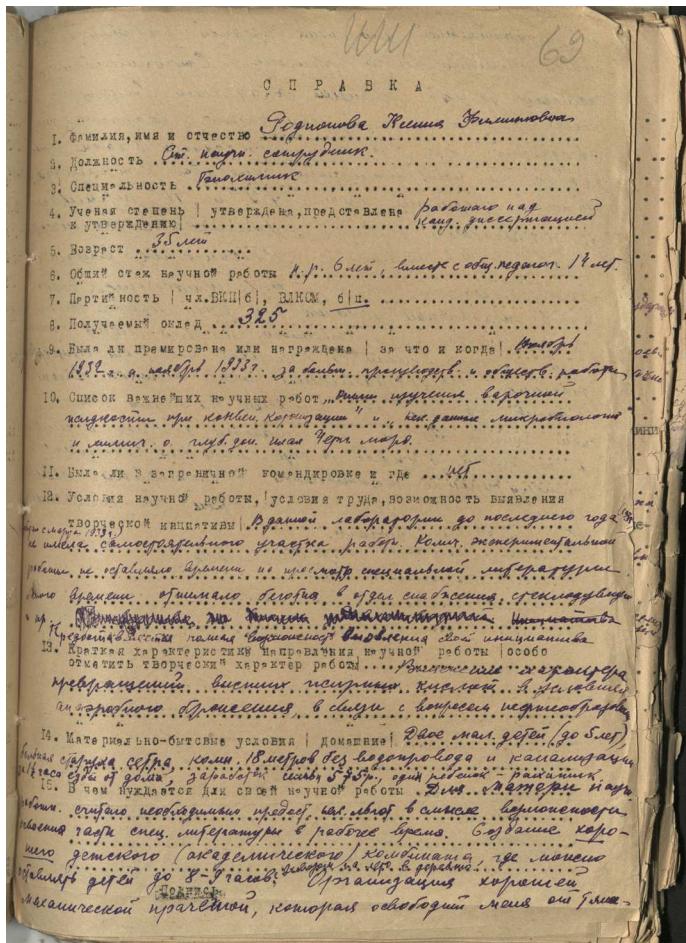

Рис. 1. Материалы опроса женщин – научных сотрудниц АН СССР. Январь 1936 г. (Архив РАН. Ф. 411. Оп. 1(1936). Д. 58. Л. 69)

R. Deguchi

Рис. 2. Материалы опроса женщин – научных сотрудниц АН СССР. Январь 1936 г. (Архив РАН. Ф. 411. Оп. 1(1936). Д. 58. Л. 69 об.)

Маркин № 92

СПРАВКА

1. Фамилия, имя и отчество Корина Николай Димитриевич

2. Должность Научный сотрудник

3. Специальность Историческая география

4. Годовая степень
к утверждению / Утверждена, представлена 1936 год

5. Возраст 36 лет

6. Общий стаж научной работы 1921-

7. Партийность/чл. ВКП(б), КПСС, С/П.

8. Получаемый оклад 32 Гр. в месяц

9. Была ли премирована или награждена (за что и когда). Нет

10. Список важнейших научных работ 11 научных и научно-практических работ, 3 в рукописи

11. Была ли в заграничной командировке и где Нет

12. Условия научной работы, условия труда, возможность выявления художественной инициативы/установка, подчинение, помощь, горечь, счастье не перегружены педагогической работой; отсутствие гаечного замка (именин о семье (своих детей)); на научную работу отдается мало времени.

13. Краткая характеристика направления научной работы (особо отметить творческий характер работы) История математики к памятникам геодезии и гидрографии и методам их изучения

14. Материально-бытовые условия (домашние) Хорошие

15. В чем нуждается для своей научной работы.....

(подпись) Н. Корина

Рис. 3. Материалы опроса женщин – научных сотрудниц АН СССР. Январь 1936 г. (Архив РАН. Ф. 411. Оп. 1(1936). Д. 58. Л. 92)

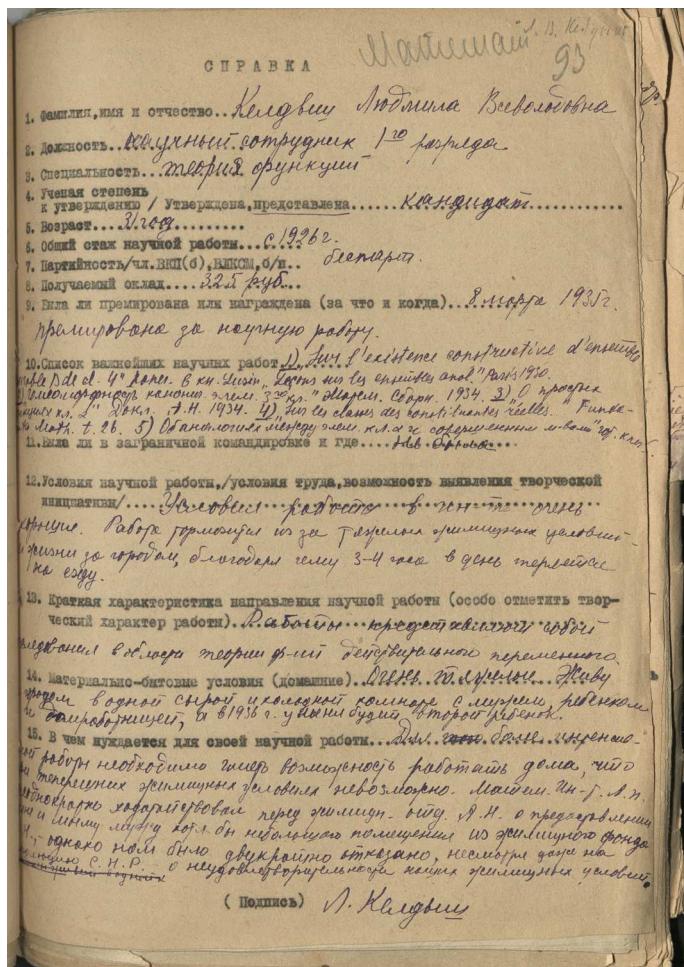

Рис. 4. Материалы опроса женщин – научных сотрудниц АН СССР. Январь 1936 г. (Архив РАН. Ф. 411. Оп. 1(1936). Д. 58. Л. 93)

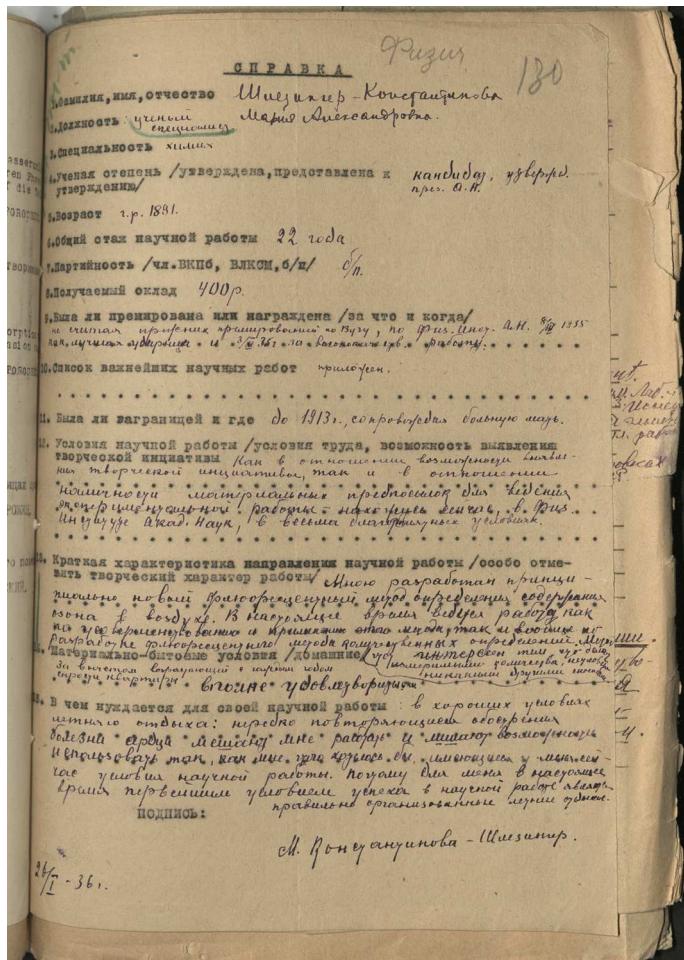

Рис. 5. Материалы опроса женщин – научных сотрудниц АН СССР. Январь 1936 г. (Архив РАН. Ф. 411. Оп. 1(1936). Д. 58. Л. 130)

химик) [9, л. 34]; «Из-за отсутствия квартиры в Москве уже год живу отдельно от семьи (муж и ребенок), которые остались на Кавказе, жизнь на 2 дома безусловно отражается как на материальном, так и моральном состоянии всех членов семьи» (Н. Ф. Саенко, 36 лет, микробиолог) [9, л. 165]. Иногда молодой паре, еще не имевшей детей, удавалось устроиться жить «у чужих», возможно друзей, знакомых или дальних родственников – никто не упоминал о том, что снимает жилье: «Живу на чужой площади в 1 маленькой комнате с мужем» (Л. А. Гуляева, 32 года, геохимик) [9, л. 58].

Те семьи, которые смогли получить свое жилье, страдали от тесноты, перенаселенности и тяжелых бытовых условий: «Живу в крайне тяжелых условиях: комната 12 метров, 5 этаж, на этой жилплощади живут кроме меня: 1) муж мой 2) мой ребенок 3,5 лет 3) домашняя работница» (А. М. Полякова, 33 года, химик) [9, л. 48]; «Комната 7 метров без дневного света (темная), без отопления и вентиляции. Живет 3 человека» (К. Ф. Шелпакова, 35 лет, биохимик) [9, л. 121]; «Живу с семьей из четырех человек в комнате 12 к[вадратных] метров в перенаселенной квартире, что очень мешает моим занятиям» (Р. Х. Фрейдлина, 30 лет химик) [9, л. 104].

Работа мужа женщины-ученого также в учреждении Академии наук не способствовала улучшению жилищных условий семьи: «[Материально-бытовые условия] Ниже среднего. Низкая зарплата. Научная работа дома идет в коридоре, т. к. 4 человека моей семьи живут в одной комнате, хотя муж – тоже научный работник Академии наук» (А. А. Прокофьева, 32 года, цитогенетик) [9, л. 87]. Обращения в структуры Академии за помощью в улучшении жилищных условий не помогали даже в тех случаях, когда оба супруга работали в системе Академии: «[Материально-бытовые условия] Очень тяжелые. Живу за городом в одной сырой и холодной комнате с мужем, ребенком и домработницей, а в 1936 г. у меня будет второй ребенок. Для более интенсивной работы необходимо иметь возможность работать дома, что при теперешних жилищных условиях невозможно. Математический институт АН неоднократно ходатайствовал перед жилищным отделом А[кадемии] н[аук] о представлении мне и моему мужу хотя бы небольшого помещения из жилищного фонда А[кадемии], – однако нам было двукратно

отказано, несмотря даже на резолюцию С[оюза] н[аучных] р[аботников] – о неудовлетворительности наших жилищных условий» (Л. В. Келдыш, 31 год, математик, кандидат наук) [9, л. 93].

Плохие жилищные условия, отсутствие часто центрального отопления, водопровода и канализации приводили к острой необходимости иметь помощь в решении повседневных бытовых вопросов. Однако проживание домработницы, когда сама семья ютилась в одной комнате, являлось затруднительным и, при ее наличии, еще ухудшало условия проживания, вместо того чтобы их улучшать. С другой стороны, небольшие оклады не позволяли содержать домработницу, и в этих случаях вся крайне тяжелая работа по организации и поддержанию быта семьи в отсутствии каких-либо современных бытовых удобств падала на женщину-ученого: «За недостатком жилой площади не имею домработницы» (М. А. Цветкова, 33 года, геолог) [9, л. 78]; «Недостаточный заработка, т. к. имею 2 иждивенцев и должна содержать домашнюю работницу и тяжелые квартирные условия» (Г. С. Шестакова, 44 года, зоолог, доктор наук) [9, л. 6].

Наличие нескольких детей требовало не только содержания домработницы, но и няни, помощника в уходе за детьми, однако работа, требовавшая от женщины высокой квалификации и значительных временных затрат, не предлагала вознаграждения, которое позволило бы оплатить подобную помощь, и это обстоятельство сильно усложняло жизнь, даже когда жилищные условия в целом были хорошими: «Хорошая квартира! Семья из 3-х детей дошкольного возраста, требуется содержание отдельного лица для ухода за ними и домработницы, вследствие чего материальные условия очень стеснены» (Е. Е. Костылева, 41 год, минералог, кандидат геологических наук); для улучшения положения Е. Е. Костылева, по ее мнению, нуждалась в «материальной обеспеченности, ибо позволила бы не иметь побочной работы» [9, л. 8]. «Бытовые хорошие, имею специальную женщину для 2-х детей. Материально – трудно» (М. Н. Любимова, 36 лет, биохимик) [9, л. 82].

Недостаточный заработка, необходимость дополнительной работы для содержания семьи (при шестидневной рабочей неделе) упоминаются практически в каждой анкете, даже в тех случаях, когда женщина замужем, тем более, когда женщина воспитывала детей одна: «Совместно с мужем зарабатываем

700–800 [рублей], которые делятся на 6 человек. Семьей живу в проходной комнате площадью в 12 ¾ м с мужем и двумя детьми (3,5 и 6,5 лет)» (Л. А. Юшко, 31 год, геолог) [9, л. 157] или когда бывший уже муж оказывает финансовую поддержку: «Воспитываю 3-х детей (11, 14 и 17 лет) одна. Несмотря на материальную помошь их отца, нуждаюсь в приработке» (О. М. Шубникова, 52 года, минералог, кандидат наук, заведующая отделом) [9, л. 11]; «Вдова, двое детей, живу в общежитии Академии наук. Кроме служебной и научной работы даю уроки языков, делаю перевод и т. д. для заработка, так как на получаемый оклад трудно воспитывать детей. [Нуждаюсь] в квартире и материальной возможности меньше времени отдавать урокам, переводам и хозяйству» (Л. А. Мерварт, 45 лет, востоковед, этнограф) [9, л. 91].

Очень редко женщины, отвечавшие на вопросы анкеты, писали, что условия их жизни хорошие, но при этом средств все равно всегда не хватало, помошь в домашней работе была необходима, а жилищные условия, как правило, оставляли желать лучшего: «Материальные [условия] хорошие, но много домашней работы (4 детей) и нет дома помощницы для своей работы» (М. Е. Мирчина, 48 лет, палеонтолог) [9, л. 152]; «2 небольших комнаты в плохом доме; 2 детей и муж. Материально относительно обеспечена. [Нуждаюсь] в улучшении жилищно-бытовых условий» (Н. Н. Серб-Сербина, 36 лет, физико-химик) [9, л. 128]; «Имею на своем иждивении двоих детей, которых должна целиком обслуживать, старшая начинает работать. Больше всего нуждалась в разгрузке от домашней работы – в остальном условия считаю достаточно хорошими, лишь бы было свободное время» (Н. Г. Эдитова, 40 лет, химик) [9, л. 80].

Кроме собственных детей, многие женщины (большинство) имели на своем иждивении родителей или других родственников, что также сильно усложняло их материальное положение: «Нет отдельной комнаты для своей научной работы. На иждивении 2 стариков, 2 детей» (М. Н. Грановская, 37 лет, кандидат технических наук) [9, л. 41]; «Имею на иждивении мать, дочь – ученицу в ВУ1 и племянника в старшей школе» (В. В. Заорская-Александрова, 53 года, экономист, доктор наук) [9, л. 90]; «Весьма тяжелые: на иждивении находятся – мать, двое детей (4,5 и 2,5 лет), сестра студентка Медкомбината. Жилищные также неблагоприятны – очень небольшая площадь и сырость ком-

наты» (Н. В. Кудряшова-Соборнова, 34 года, химик) [9, л. 163]; «Живу за городом, имею на иждивении мать и дочь, приходится прирабатывать» (Н. В. Фролова, 28 лет, горный инженер) [9, л. 156]. Мы приводим здесь наиболее типичные ответы.

Многие женщины-ученые жили либо за городом, либо в отдаленных районах Москвы, что сильно увеличивало время на дорогу, отнимая его как у дополнительной работы, так и у семьи: «Живу в Измайловском поселке в 2-х часах езды до ИГИ. Комната 10 м без всяких удобств. Семья состоит из 3-х человек (А. Н. Цыба, 26 лет, химик) [9, л. 79]; «Организация перевозки на работу и обратно научных работников, проживание в домах Академии наук на Мещанской, дала бы экономию времени и сил. Около 1 ½ часа изнурительной трамвайной езды вредно отражается на работе» (Н. С. Домбровская, 39 лет, химик) [9, л. 36]; «Плохие, т. к. живу за городом и трачу ежедневно по 4 часа на дорогу» (М. Н. Тюкина, 33 года, химик) [9, л. 33].

У многих женщин совпадали все перечисленные выше крайне затруднительные условия жизни: маленькие доходы, неудовлетворительная жилплощадь вдали от работы, наличие иждивенцев: «Двое маленьких детей (до 5 лет), больная старуха сестра, комната 18 метров без водопровода и канализации за 1 ½ часа езды от дома, заработка семьи 575 р., один ребенок – ракитник» (К. Ф. Родионова, 35 лет, биохимик) [9, л. 69]. К. Ф. Родионова подробно написала о мерах, которые, по ее мнению, следовало бы предпринять для улучшения ситуации: «Для матери, научно работающей, считаю необходимым предоставить несколько льгот в смысле освоения части специальной литературы в рабочее время. Создание хорошего детского (академического) комбината, где можно оставлять детей до 8–9 часов. Организация хорошей механической прачечной, которая освободит меня от тяжелой, изнурительной для меня вредной работы, отнимающей страшно много времени. Строительство жилых домов вблизи Академии (по типу жилищной кооперации, но не такой, как строит "Академик"), что ежедневно дало бы лишних свободных 3 часа и освободило бы от изнурительных переездов в трамвае. А пока продление путей 47 и 10 трамваев до Калужской заставы, увеличение количества вагонов 47 трамвая. Некоторое улучшение материальной стороны, т. к. приходится создавать нормальные условия для детей (хорошее

питание за счет ухудшения собственного, что для меня, болеющей [...]¹ желудка и колитом имеет существенное значение. Предоставление возможности выписывать газеты, т. к. стояние за ними в очереди или чтение газеты в читальне также отнимают время, в какое я еще способна заниматься литературой по специальности. Установка телефонов в квартирах матерей, что обеспечило бы мать во многом» [9, л. 69–69 об.].

Время, которое женщина могла бы потратить на общение с детьми, также нередко отнимала обязательная общественная работа: «Дома имею нагрузку 8 лет сына, это мне очень затрудняет общественно работать вечером в подшефной школе, очень бы желательно получить общественную другую нагрузку не требующую вечером отлучаться из дома» (О. Л. Абакумова, 34 года, петрограф) [9, л. 148]. Неудивительно, что в таких условиях О. Л. Абакумова оказалась не единственной, кто начал воспринимать своего ребенка как «нагрузку»: «Не совсем удовлетворительные материальные условия. Имеется ребенок на моем иждивении, мешает нормальному ходу научной работы» (Э. А. Федер, 32 года, химик) [9, л. 76].

В ходе социологического опроса условий жизни и работы женщин-ученых опрашивали не только женщин, живших и работавших в Москве. К сожалению, анкеты, присланные из других регионов, практически не сохранились – нам удалось обнаружить всего четыре заполненных анкеты в Российском государственном архиве экономики (Москва). Тем не менее анализ содержащейся в них информации свидетельствует о том, что проблемы, с которыми сталкивались женщины-ученые, работавших в других городах, в частности в Ленинграде, мало отличались от проблем москвичек: «Необходимо добавить, что тяжелые жилищные условия, в которых я нахожусь (4 человека в одной комнате), чрезвычайно мешают работе над собой и дальнейшему росту» (Е. Л. Копелкович, 31 год, химик, Ленинград) [10, л. 8]; «Большим недостатком, который, к сожалению, в ближайшее время не удастся устраниТЬ – неудовлетворительные жилищные условия, имею одну комнату, при семье в 4 человека (муж, сын, работница), дома заниматься, как правило, нет возможности» (З. П. Сытник, 31 год, химик, Ленинград) [10, л. 6 об.]. В анкетах этих женщин, так же, как

¹ Слово неразборчиво. – О. В.

и в анкетах москвичек, иногда можно прочитать, что ребенок (дети) становятся нагрузкой, затрудняющей научную работу: «Моей научной работе в настоящий момент мешает следующее: 1. Квартира моя находится за городом, так что мне в день 3–3,5 часа приходится на поездку в институт и домой. 2. Перегрузка по общественной линии: секретарь МК. 3. Я имею ребенка в 4 года, который также отнимает время». (К. Ф. Корнеич, 30 лет, химик, Ленинград) [10, л. 10, 10 об.]. Таким образом, выявленные нами при изучении московских анкет трудности, с которыми сталкивались женщины-ученые, оказались типичными не только для Москвы.

Обсуждение и выводы

По своему возрасту опрошенные женщины распределялись следующим образом: «около 37 % падает на возраст от 30–35 лет; 12 % – от 25 до 30 и от 35 до 40 лет» [5, л. 6]. «Таким образом, – делали вывод организаторы опроса, – главным образом работают кадры советского времени» [5, л. 6], т. е. женщины, начавшие свои профессиональные карьеры уже в период юридического равноправия полов в России. По стажу работы в научных учреждениях они разделялись на: «Имеющих свыше 10 лет стажа свыше 26 %; от 7 до 10 лет стажа свыше 26 %; от 5 до 7 лет стажа свыше 24 %; от 3 до 5 лет стажа свыше 12 %; до 3-х лет стажа около 7 %» [5, л. 6], т. е. большинство опрошенных приобрели научный стаж также уже после законодательных преобразований. Перед нами действительно представительницы первого поколения советских женщин-ученых, в каком-то смысле являвшиеся участницами грандиозного социального эксперимента. И хотя ряд женщин написали в анкетах о том, что условия их жизни удовлетворительны, абсолютное большинство из них столкнулось со сложностями, которые они вряд ли могли предугадать, выбирая в юности профессию ученого. И большая часть этих трудностей оказалась связана с семейной жизнью как при создании и сохранении собственной семьи, так и при необходимости заботы о членах родительской семьи, что являлось традиционно женской обязанностью. Нам хочется надеяться, что восприятие детей как дополнительной нагрузки, мешавшей нормальному ходу научной работы, было все-таки исключением, чем правилом. Тем не менее что-то должно было уступить

первенство: если внимание уделялось детям, страдала научная работа, если работа ставилась на первое место, страдали дети; когда женщины были вынуждены искать дополнительный заработок, чтобы содержать детей, страдали и работа, и дети, несмотря на получавшиеся некоторые дополнительные средства. Создание детских садов в системе АН СССР, которое активно началось в середине 1930-х гг., различных программ для детей в Домах ученых стало попыткой государства разрешить возникшее противоречие, однако быстро это сделать было трудно.

Мы можем предположить, что из-за сложившихся к середине 1930-х гг. крайне тяжелых условий повседневной жизни московских женщин-ученых не только страдали их семьи и дети; подобное положение влияло на их научную работу. Две основополагающие части жизни женщины-ученого: семейная и профессиональная требовали адаптации друг к другу. И адаптация эта пошла путем, который вряд ли предвидели женщины, отчаянно боровшиеся за право на высшее образование для своих современниц в XIX в., но который был вполне естественным: в попытках сохранить свои семьи, чего в одинаковой степени требовали и многовековые сложившиеся традиции, и врожденные инстинкты, последующие поколения женщин-ученых начали ставить интересы своих семей выше своих профессиональных интересов, что, в свою очередь, послужило не единственной, но одной из важнейших причин аккумуляции женщин в сфере обслуживающей науки и в целом занятия ими вторичных должностей в научной иерархии уже во второй половине XX в.

Список литературы

1. Долгова Е. А. Ведомственные детские сады в системе академических учреждений 1920–1930-х гг. // Семья и детство в повседневной жизни: история и современность: материалы международной научной конференции, 6–8 апреля 2023 г. / отв. ред. В. А. Веременко: в 2 т. Т. 1. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2023. С. 181–186.
2. Валькова О. А. Работа с детьми в Московском доме ученых в 1930-е гг. ХХ в. // Семья и детство в повседневной жизни: история и современность: материалы международной научной конференции, 6–8 апреля 2023 г. / отв. ред. В. А. Веременко: в 2 т. Т. 1. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2023. С. 186–191.
3. Кочина П. Я. Воспоминания. М.: Наука, 1974. 299 с.
4. Женщины в СССР. Статистический сборник. М.: ЦУНХУ Госплана СССР В/О "Союзгоручет", 1936. 472 с.
5. Архив РАН. Ф. 411. Оп. 1–1936. Д. 57.

6. Документальные материалы по истории организации и проведения конференции женщин-ученых в Москве в 1936 г. (Предисловие и публикация О. А. Вальковой) // Архив истории науки и техники. VI (XV) / отв. ред. С. С. Илизаров. М.: «Янус-К», 2018. 540 с.

7. Валькова О. А. Документы по истории создания несостоявшегося словаря советских женщин-ученых (1935–1937 гг.) в архивах РФ // История науки: источники, памятники, наследие: вторые чтения по историографии и источниковедению истории науки и техники: Материалы науч. конф., Москва, 19–20 октября 2016 г. / сост. Е. В. Минина. М.: Янус-К, 2016. С. 86–92.

8. Валькова О. А. Советские женщины-ученые: Социологическое исследование (1935–1936) // Наука и техника: Вопросы истории и теории: материалы XLII Международной годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российской национального комитета по истории и философии науки и техники РАН «Наука и техника в годы бурь и потрясений (к юбилеям А. П. Карпинского и Л. С. Берга)». Вып. XXXVII. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2021. С. 263–264.

9. Архив РАН. Ф. 411. Оп. 1–1936. Д. 58.

10. Российский государственный архив экономики. Ф. 4394. Оп. 1. Д. 152.

Between Family and Career: Children of the First Generation of Soviet Female Scientists

Olga A. Valkova

The article examines domestic and financial conditions of family life in the 1930s, focusing on the lives of the children of Soviet women who were the first generation to work as professional scientists at Moscow scientific institutions affiliated with the USSR Academy of Sciences. By 1936, nearly two decades had passed since legal women's rights were introduced in Russia, allowing women to access higher education and pursue scientific careers that require highly qualified employees and a significant amount of time. These circumstances led to a conflict between women's professional and family obligations. The daily lives and work experiences of these women scientists are reflected in the surveys they completed in January 1936. This article analyzes these surveys and introduces them to the research community for the first time. The materials from these questionnaires reveal the poor financial circumstances of the majority of female scientists, difficult living conditions, and the fact that childcare has sometimes become an additional burden that hinders the scientific work of women.

Key words: female scientist, family, child, Soviet scientific community in the 1930s, history of everyday life.

For citation: Valkova, O. A. (2025) Mezhdu sem'ej i prizvaniem: deti v sem'yah pervogo pokoleniya sovetskih zhenshchin-uchenykh [Between Family and Career: Children of the First Generation of Soviet Female Scientists]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 112–131. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_4_112. EDN: IYQCMO

References

1. Dolgova, E. A. (2023) Vedomstvennye detskie sady v sisteme akademicheskikh uchrezhdenij 1920–1930-h gg. [Departmental kindergartens in the system of academic institutions of the 1920s and 1930s]. *Sem'ya i detstvo v povsednevnnoy zhizni: istoriya i sovremennost'* [Family and Childhood in everyday life: History and modernity]. Proceedings of the International Scientific conference April 6–8, 2023. In 2 vols. Ed. V. A. Veremenko. Vol. 1. Pp. 181–186. (In Russ.)

2. Valkova, O. A. (2023) Rabota s det'mi v Moskovskom dome uchenyh v 1930-e gg. XX v. [Working with children at the Moscow House of Scientists in the 1930s]. *Sem'ya i detstvo v povsednevnoy zhizni: istoriya i sovremennost'* [Family and Childhood in everyday life: History and modernity]. Proceedings of the International Scientific conference, April 6–8, 2023. In 2 vols. Ed. V. A. Veremenko. Vol. 1. Pp. 186–191. (In Russ.)
3. Kochina, P. YA. (1974) *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow: Nauka. (In Russ.)
4. (1936) *Zhenshchiny v SSSR. Statisticheskij sbornik* [Women in the USSR. Statistical collection]. Moscow: CUNHU Gosplana SSSR V/O "Soyuzorguchet". (In Russ.)
5. *Arhiv RAN* [Archives of the Russian Academy of Sciences]. F. 411. Op. 1-1936. D. 57.
6. Valkova, O. A. (2018) Dokumental'nye materialy po istorii organizacii i provedeniya konferencii zhenshchin-uchenyh v Moskve v 1936 g. (Predislovie i publikaciya O.A. Val'kovo) [Documentary materials on the history of the organization and holding of the conference of women scientists in Moscow in 1936 (Preface and publication by O. A. Valkova)]. *Arhiv istorii nauki i tekhniki* [Archive of the History of Science and Technology]. Vol. VI (XV). Moscow: «YAnus-K» Pp. 434–454. (In Russ.)
7. Valkova, O. A. (2016) Dokumenty po istorii sozdaniya nesostoyavshegosya slovarya sovetskikh zhenshchin-uchenyh (1935–1937 gg.) v arhivakh RF [Documents on the history of the creation of the failed dictionary of Soviet women scientists (1935–1937) in the archives of the Russian Federation]. *Istoriya nauki: istochniki, pamyatniki, nasledie: vtorye chteniya po istoriografii i istochnikovedeniyu istorii nauki i tekhniki* [History of Science: sources, monuments, heritage: second readings on historiography and source studies of the history of science and technology]. Proceedings of the Scientific Conference, Moscow, October 19–20, 2016. Moscow: YAnus-K. Pp. 86–92. (In Russ.)
8. Valkova, O. A. (2021) Sovetskie zhenshchiny-uchenye: Sociologicheskoe issledovanie (1935–1936) [Soviet Women scientists: A Sociological Study (1935–1936)]. *Nauka i tekhnika: Voprosy istorii i teorii* [Science and Technology: Issues of History and Theory]. Proceedings of the XLII International Annual Conference of the St. Petersburg Branch of the Russian National Committee for the History and Philosophy of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences "Science and Technology in the years of Storms and Upheavals (dedicated to the anniversaries of A. P. Karpinsky and L. S. Berg)" (October 25–29, 2021). Vyp. XXXVII. St. Petersburg: SPbF IIET RAN. Pp. 263–264. (In Russ.)
9. *Arhiv RAN* [Archives of the Russian Academy of Sciences]. F. 411. Op. 1-1936. D. 58.
10. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv ekonomiki* [Russian State Archive of Economics]. F. 4394. Op. 1. D. 152.

Об авторе

Валькова Ольга Александровна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории физико-математических наук, Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, Москва, Российская Федерация; e-mail: o-val2@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-4158-110X

About the author

Valkova Olga A., Doctor of Historical Sciences, Chief Research Fellow of the Department of History of Physical and Mathematical Sciences, S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Moscow, Russian Federation; e-mail: o-val2@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-4158-110X

Статья поступила в редакцию 02.08.2025
Обзорена после рецензирования 19.09.2025
Принята к публикации 06.10.2025